

**Кондратьев С.В., Кондратьева Т.Н. Наука «убеждать»,
или Споры советских историков о французском абсолютизме
и классовой борьбе (20-е — начало 50-х гг. XX века).
Тюмень: Мандр и К^а, 2003. 272 с.**

Важнейшим стимулом для историографических исследований является внутренняя логика развития самой исторической науки, логика, предполагающая систематическую разработку философско-методологических проблем исторической науки, составляющих ядро исторического исследования в любой его форме. Анализ процессов, характеризующих состояние отечественной историографии недавнего прошлого, несомненно, является одной из насущных задач исторической науки. Можно констатировать, что монография С.В. и Т.Н. Кондратьевых органически вписывается в серию работ, посвященных разработке данной проблемы. Следует отметить интеллектуальную решительность авторов, нашедших заслуживающее внимание оригинальное решение столь сложной задачи.

Рассматриваемая работа привлекает внимание новизной постановки проблемы и количеством многочисленных и многообразных источников, большая часть которых впервые вводится в историографическую практику, по крайней мере, под углом зрения развития исторических представлений во времени. Не употребляя напрямую несколько заезженный термин «историк и время», авторы книги дают оригинальное, обстоятельно аргументированное решение этого вопроса, чётко выявляя, как время расставляет приоритеты в проблематике исследований, а в условиях раннесоветской действительности определяет и характер научных дискуссий, и приёмы, применяемые участниками этих дискуссий, впрочем, вполне адекватные социальным реалиям тогдашней действительности.

В хорошо сформулированном введении обосновывается актуальность темы, определены цели и за-

дачи исследования, кратко, но достаточно ёмко дана историография проблемы, проведена развёрнутая характеристика используемых авторами источников, которые они доказательно делят на семь групп. Одной из задач, которые ставят перед собой историки, является исследование языка исторической науки интересующего их времени.

В первой главе «Французский абсолютизм в отечественной медиэвистике (вторая половина 20-х — 30-е годы)» содержится два раздела. Первый раздел посвящен преимущественно становлению марксистско-догматического понимания исторического материала применительно к проблеме абсолютизма как такового. В связи с этим С.В. и Т.Н. Кондратьевы обращаются к теоретическим постулатам А.А. Богданова, М.Н. Покровского и его школы, В.Д. Преображенского и других. Строго объективно подходят С.В. и Т.Н. Кондратьевы к постулируемой тогда теории «торгового капитализма», внимательно рассматривая эволюцию этого понятия под пером историков 20-х гг. При этом основной недостаток они видит в том, что как «торговый капитализм», так и тесно связанный с ним «абсолютизм» приверженцы школы Покровского рассматривали чисто формально-логически, абстрагируясь от конкретной истории и от материала источников. В книге показано торжество голый социологической схемы, логически перерастающей в не нуждающуюся в доказательствах догму. Вместе с тем здесь отмечаются попытки объективного понимания истории, хотя бы и в тесных рамках «прокрустова ложа» господствующего учения.

Во втором разделе данной главы «Абсолютизм есть дворянское,

феодалное государство» констатируются перемены, произошедшие после политического решения ВКП(б) от 1934 года, которое осудило увлечённость отвлеченными социологическими построениями. В вышедших одновременно «Замечаниях о конспекте учебника по новой истории», подписанных И. Сталиным, С. Кировым и А. Ждановым, содержится характеристика западноевропейских режимов XVI—XVIII вв. как «абсолютистско-феодалный порядок». После этого утверждается концепция абсолютизма как феодального по своей социальной природе государства, которое возникает в результате установления относительного социального равновесия между дворянством и буржуазией, оставаясь при этом защитником прежде всего дворянства.

Таким образом, из книги видно, что произошла частичная реабилитация источниковедения и конкретного исторического материала. Тем не менее приоритет, как и прежде, отдавался общему, что, впрочем, не исключало возможности исследования конкретного и особенного. Однако отказа от догматизма не произошло. Более того, отныне догматизм, как отмечено в монографии, «требовал подкрепления источника», да ещё истолкованными через призму марксистско-догматических дефиниций, которые, естественно, не были известны авторам исторических свидетельств, да и историкам предшествующего времени тоже. По крайней мере, медиевисты как России, так и Западной Европы в большинстве своём избегали марксистского метаязыка. Авторы книги скрупулёзно исследуют происшедшие в советской медиевистике перемены. Отмечая то обстоятельство, что со второй половины 30-х годов стали печататься исследования и защищаться диссертации, посвященные французской абсолютной монархии, они констатируют, что

«большинство их исполнялось в присущей для того времени манере», т.е. через интерпретацию высказываний из Маркса, Энгельса, Ленина.

Авторы детально анализируют творчество исследователей, решающих проблему французского абсолютизма в 30-е годы, как то: П.П. Щеголёва, З.В. Мосиной, В.В. Бирюковича, С.Д. Сказкина, Б.Ф. Поршнева, А.Д. Люблинской, а также полемику, неоднократно вспыхивавшую между ними. Из анализа текста монографии вытекают основные компоненты концепций, предложенных В.В. Бирюковичем, С.Д. Сказкиным, Б.Ф. Поршневым. Как стоящую несколько особняком от этих споров С.В. и Т.Н. Кондратьевы выделяют А.Д. Люблинскую, подготовившую серьёзную кандидатскую диссертацию по той же абсолютистской проблематике, в которой она солидаризировалась с концепцией своего учителя В.В. Бирюковича.

Отмечая неизбежное, как нам кажется, в социальных условиях тридцатых годов XX века следование марксистско-ленинской доктрине, С.В. и Т.Н. Кондратьевы приходят к характерному выводу: «Дань догматизму отдавали все: но одни скорее ритуально — Е.А. Косминский, В.В. Бирюкович, А.Д. Люблинская, другие вдохновенно — С.Д. Сказкин, З.В. Мосина, Б.Ф. Поршнев». Не будет ошибкой предположить, что этот вывод можно распространить на все отрасли советской исторической науки того времени.

Глава вторая «Французский абсолютизм и проблема классовой борьбы в отечественной медиевистике (40-е — начало 50-х годов)» также содержит два раздела. Собственно содержание второй главы предваряет своего рода введение, в котором кратко характеризуется послевоенная политическая обстановка в стране и непрерывное идеологическое давление со стороны властей предрежащих на практику

отечественного историописания и репрессивно-кадровое на самих исследователей. В работе делается оправданный вывод: «Послевоенные идеологические кампании сказались на состоянии исторической науки. Методологическое единомыслие победило».

Первый раздел второй главы — «Абсолютизм и проблема Фронды» — посвящен первым послевоенным работам по теме. В этом разделе дан анализ работ С.А. Покровского, В.В. Бирюковича, Р.В. Лившица и других, которые не добавили ничего принципиально нового в сравнении с анализом рассмотрения проблемы в исследованиях 30-х годов XX века. Но в основном в этом разделе анализируется знаменитая книга Б.Ф. Поршнева «Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623—1648)» (М., 1948) и докторская диссертация А.Д. Люблинской «Социально-экономические отношения и политическая борьба во Франции в 1610—1620 годах» (Л., 1951). Б.Ф. Поршнев, как известно, рассматривал Фронду как неудавшуюся буржуазную революцию, и в монографии он окончательно сформулировал представления на абсолютизм и на причины его возникновения. С.В. и Т.Н. Кондратьевы подробно воспроизводят историю создания монографии Б.Ф. Поршнева, производят подробный анализ ее содержания и основных идей. Здесь же детально освещена полемика, возникшая после выхода книги в свет и особенно после присуждения Б.Ф. Поршневу Сталинской премии. Воспроизведены точки зрения как сторонников концепции Б.Ф. Поршнева, так и его оппонентов. Наиболее серьезными С.В. и Т.Н. Кондратьевым представляются критические замечания А.Д. Люблинской, с чем нельзя не согласиться.

Раздел второй этой главы носит название «Дискуссия по проблемам классовой борьбы». В этом разделе речь идет о горячей полемике по

поводу постулируемой Б.Ф. Поршневым идеи о ведущей роли классовой борьбы в оформлении абсолютизма, более того, о ведущей роли классовой борьбы во «всех социальных и экономических переменах», имевших место в средневековый период.

С.В. и Т.Н. Кондратьевы констатируют, что «схема Б.Ф. Поршнева по меркам тех дней отличалась оригинальностью, претендовала на новое прочтение марксизма». Это было крайне смело и предполагало либо стремительный взлёт автора этой концепции, либо нечто прямо противоположное. В монографии встречается намек на честолюбие и тщеславие Б.Ф. Поршнева, что, видимо, играло определенную роль, указывается на его склонность к теоретическим построениям.

Как бы то ни было, коллеги Поршнева, или, по крайней мере, их большая часть, категорическим образом отвергли его претензии. С.В. и Т.Н. Кондратьевы обстоятельно рассматривают как новаторскую концепцию Б.Ф. Поршнева, так и аргументы критиков. Отмечается, что у концепции Б.Ф. Поршнева были достаточно именитые сторонники. И те и другие в своих выступлениях присягали на верность марксизму и клялись отстаивать «единственно верное учение» всеми доступными им средствами. Но, как показано в работе, были историки, которые «призывали отказаться от чрезмерного теоретизирования и обратиться к исследованию конкретного материала источников»: В.Ф. Семенов, В.В. Стоклицкая-Терешкович, Ю.А. Корхов, А.В. Десницкая.

Что касается активно противоборствующих адептов марксистско-ленинского учения, то, как с грустью констатируется в монографии, спор между ними вылился во взаимные попреки, а затем жёсткую критику не только научной концепции Б.Ф. Поршнева, но и его гражданской позиции, вплоть до нега-

тивных политических характеристик, что было, как тогда говорили, creatively...

Историки постоянно обращаются к проблеме научного и политического языка, убедительно доказывая, что научная и политическая фразеология позволяет сделать вывод о сложившейся взаимной нетерпимости большинства участников дискуссии.

В заключении изложены выводы исследования. Следует отметить, что заключение излишне обстоятельно, и это неизбежно ведет к повторению изложенного ранее.

Книгу С.В. и Т.Н. Кондратьевых можно смело оценить как новаторскую. В своём многоплановом сочинении им удалось проследить историю развития марксистской концепции абсолютистского государства в нашей стране от голого схематизма до более или менее аргументированного понятия, которое органически вписывалось в учение о формациях и занимало своё место в представлениях о феодальной формации на стадии её разложения. Интерпретируемый ими фактичес-

кий материал, с некоторыми оговорками, даёт возможность взглянуть на, казалось, хорошо изученные исторические явления, воспринимаемые сплошь и рядом в качестве незыблемых постулатов, с неожиданной стороны, со стороны человеческого выбора, играющего одну из важнейших ролей в изменении социально-политических явлений. Это заставляет задуматься о пригодности ставших такими привычными абстрактных дефиниций, коими и по сей день пестрят исторические исследования.

Наиболее оригинальным в рецензируемой работе является вопрос о языке исторической науки, о том, насколько адекватно он может соответствовать конкретным реалиям прошлого, отраженным в источнике, о том, как время или, точнее сказать, укорененная в то или иное время социальная реальность определяет язык исторического творчества, да и не только его одного. Несомненно, что эта идея предполагает её дальнейшее развитие и оформление в научной печати.

Г.К. Садретдинов